

A man with dark, curly hair and a serious expression stands in the rain at night. He is wearing a light-colored, possibly white, raincoat that is wet and clings to his body. The background is dark, with some blurred lights and reflections on the wet pavement. The overall mood is somber and atmospheric.

Черновик

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Камран Назиров

Черновик

<https://litres.ru/74039651>

SelfPub; 2026

Аннотация

Современность. У всех в жизни бывают периоды застоя. Время, когда ты изо дня в день повторяешь себе мантру: «Ещё немного подкоплю, ещё чуть-чуть потерплю на этой работе, а вот потом начну жить».

Главный герой этой истории годами обманывал себя точно так же. Он сливал свои лучшие годы на чужие правила, ужимался, пытался быть удобным для всех и верил, что это лишь подготовка к какому-то большому прыжку. Но черновик затянулся, а прыжка так и не случилось.

Всё меняется в один момент, когда на пороге смерти в его голове внезапно просыпается Голос. Злой, циничный, не знающий жалости. Он пришел не сочувствовать — он пришел забрать контроль. И его первый приказ прост: Бумага кончилась, парень. Хватит врать себе. Начинаем жить прямо сейчас.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	15
Гл	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Камран Назиров

Черновик

Глава 1

Прохладный алматинский вечер медленно сгущался, наливаясь тяжелой темнотой. В воздухе отчетливо пахло скорым, затяжным дождем.

Он стоял у служебного входа в ресторан, прислонившись спиной к кирпичной стене. Между пальцами была зажата незажженная сигарета. Он медленно крутил её в руках, глядя в темноту переулка и просто пытаюсь ни о чём не думать после тяжёлого, выматывающего дня. На нём были классические брюки и белая рубашка, аккуратно застегнутая на все пуговицы.

Входная дверь резко открылась. На улицу, запыхавшись, выбежала испуганная официантка. Глаза у нее были полны страха.

— Камран Маратович! Пожалуйста, зайдите в VIP-зал. Там гости буянят, администратор вообще не справляется. Мы не знаем, что делать.

Камран замер на секунду. Лицо мгновенно превратилось в холодную, непроницаемую маску. Пальцы разжались, и сигарета полетела на асфальт. Он наступил на неё подошвой

туфли, плавно раздавив табак, поправил воротник рубашки и уверенным, размеренным шагом направился внутрь.

— Успокойся и возвращайся к работе. Я сам всё улажу,
— негромко бросил он девушке на ходу.

Когда Камран переступил порог основного зала, по нему словно прошла невидимая волна тишины. Шум голосов, звон бокалов и смех за ближайшими столиками инстинктивно начали затихать. Гости ловили себя на том, что оборачиваются вслед этому высокому, плечистому мужчине. По залу пронеслось то странное, осязаемое напряжение, которое всегда возникает в присутствии опасной силы. Плотная белая рубашка подчеркивала разворот плеч, а сквозь тонкую ткань на левой руке отчетливо просвечивали плотные черные контуры массивных татуировок. Этот контраст безупречной формы и скрытой под ней глухой, жесткой силы заставлял людей за соседними столиками провожать его долгими, притихшими взглядами.

Камран подошел к тяжелой дубовой двери VIP-зала и спокойно вошел внутрь.

В комнате было накурено. За большим столом сидели четверо: трое мужчин лет сорока и одна женщина. По разбитому бокалу на полу и перевернутой тарелке было сразу понятно, что вечер перестал быть мирным. Один из мужчин, с расстегнутым воротом дорогой рубашки и покрасневшим от алкоголя лицом, как раз что-то громко и злобно выговаривал побледневшему администратору, который растерянно

топтался у входа. Остальные молча наблюдали за сценой.

Камран Маратович мягко повернулся к замершему сотруднику и кивнул на дверь: — Спасибо, я здесь сам разберусь. Можете выходить в зал и возвращаться к своей работе.

Администратор с явным облегчением кивнул и быстро шмыгнул за дверь, оставив управляющего один на один с компанией. Камран повернулся к столу, удерживая на лице спокойную, доброжелательную улыбку, и вежливо уточнил: — Так что у вас случилось? Чем я могу помочь?

Мужчина с расстегнутым воротом рубашки, тяжело дыша, уставился на Камрана мутным, злым взглядом. Присутствие женщины за столом явно подстегивало его желание показать, кто здесь хозяин. Он с грохотом отодвинул тяжелый стул и поднялся, покачиваясь.

— Что случилось?! — выплюнул он, брызгая слюной и указывая пальцем на разбитый бокал. — Заведение у вас — помойка! Сервис — дерьмо! Вы кого на работу понабрали, Маратович? Ты вообще понимаешь, с кем разговариваешь? Если я сильно захочу, я ваше заведение сегодня же закрою. Один звонок — и вы здесь больше работать не будете, понял меня?! Сегодня же, б!

Камран выслушал эту тираду, даже не моргнув. Личные обиды он привык оставлять глубоко внутри — профессионализм был выше пьяных понтов. Гордость? На гордость в его планах пока не было свободного времени. Нужно было гасить пожар.

— Вы абсолютно правы, у вас наверняка есть такие возможности, — мягко, почти сочувственно ответил Камран, слегка наклонив голову в знак уважения. — Наше заведение держится на репутации, и если мы совершили ошибку, мы готовы её исправить. Пожалуйста, не нужно буянить и портить себе вечер. Давайте мы во всем разберемся.

В этот момент один из сидевших на диване мужчин — плотный, с коротким ежиком седеющих волос и спокойными, трезвыми глазами — поднялся с места. Он бросил короткий, примиряющий взгляд на женщину, молча подошел к Камрану и едва заметным жестом показал рукой в сторону выхода:

— Камран Маратович, верно? Пойдем на пару слов, отойдем на минуту.

Камран спокойно кивнул, и они вместе вышли из шумной VIP-комнаты, прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь. В коридоре ресторана было тихо. Седовласый мужчина повернулся к управляющему, устало потер переносицу и заговорил негромко, с искренним сожалением:

— Уважаемый, ты извини за этот концерт. Друг мой Самат. Перепил лишнего сегодня, тормоза отказали, сам видишь. На ровном месте истерику устроил, перед Дамирой неудобно. Всякое бывает, мужчина, не принимай на свой счет. Мы сейчас счет закроем и уедем, буквально минут десять нам дай. Ладно?

Камран отреагировал абсолютно спокойно. Ни тени оби-

ды или злости не отразилось на его лице. Он понимал человеческую природу и ценил, когда с ним говорили вот так — прямо и уважительно.

— Всё в порядке, я вас прекрасно понимаю, — мягко ответил Камран, слегка улыбнувшись. — Ситуации разные бывают, алкоголь по-разному на людей действует. Не переживайте, отдыхайте спокойно эти десять минут, торопить вас никто не будет. Счет я попрошу подготовить.

— Рахмет, командир. Ценю понимание, — мужчина крепко, по-мужски пожал Камрану руку и вернулся в VIP-зал.

Компания Самата уехала ровно через десять минут, как и было обещано. Ресторан медленно опустел. Погасили основные люстры, официанты домывали залы, на кухне убирали ножи. Камран зашел в свой кабинет и открыл ноутбук. Еще час он молча сидел в тишине, проверяя отчеты по закупкам и сводя меню себестоимости. В таблицах всё было идеально. Цифры сходились. Жизнь казалась просчитанной и контролируемой.

Около трех часов ночи он наконец закрыл ноутбук. Усталость свинцом налила плечи.

На улице вовсю лупил холодный, тяжёлый ливень. Вода стекала по кирпичным стенам кафе, шумела в водостоках и заливала стёкла летней террасы. Камран толкнул тяжёлую стеклянную дверь и вышел на улицу. Заведение уже закрылось, персонал разошёлся.

Тонкая ткань рубашки моментально намокла, неприятно

облепив плечи и спину, но он даже не поежился. Камран быстро пересёк пустую, залитую водой парковку, направляясь к дальнему углу площадки, где обычно оставлял свой Мерседес. Вокруг — ни души, только стена серого дождя, глухой шум проспекта и неоновый свет вывески заведения, который зловеще дрожал в лужах у него под ногами. Именно здесь, в этом неоновом полумраке парковки, его и ждали.

Камран даже не успел ничего спросить. Его лицо мгновенно превратилось в каменную маску, тело инстинктивно напряглось, готовое к бою, они пришли не разговаривать.

Удар из темноты прилетел наотмашь, хлестко и без предупреждения. Тяжелая деревянная бита с глухим стуком врезалась ему в правое бедро. Нога мгновенно онемела, превратившись в чужую, бесполезную кость. Камран потерял равновесие и рухнул коленями в грязную лужу, хватая ртом холодный воздух. Опора ушла из-под ног, он был полностью обездвижен.

В ту же секунду вторая фигура навалилась сверху, намертво прижимая его плечи к мокрому асфальту и блокируя руки. Камран пытался рвануться, преодолевая дикую, разрывающую боль в ушибленной мышце, но хватка была профессиональной. Его заставили замереть.

В темноте тускло блеснуло стальное лезвие. Тот, что нанес удар битой, подошел ближе и не торопясь присел перед Камраном на корточки. Его хваленый дипломатичный мир разлетелся в щепки за пару секунд.

— Ну привет, Камранчик, — тихо, сквозь зубы произнес он. — Думал, устроился в дорогой ресторан, рубашечку белую надел и про долги можно забыть?

Камран тяжело глядел на ублюдка, чувствуя, как ледяной ливень мгновенно заливает лицо, смешиваясь с грязью. Человек в капюшоне перехватил нож поудобнее и, смотря Камрану прямо в глаза, с силой вогнал его ему в бок, прямо под ребра.

Камран судорожно хрипнул от резкой, обжигающей боли, но рукоять ножа так и осталась торчать наружу — лезвие никто не вытащил.

— Это тебе напоминалочка, — холодно произнес он. — Чтобы помнил.

Он медленно поднялся на ноги и, уже разворачиваясь к выходу из переулка, брезгливо процедил сквозь зубы:

— Хренов бизнесмен.

Обе фигуры мгновенно растворились в шуме ливня.

Камран осторожно завалился на спину, стараясь не задеть торчащую рукоять. Мысли текли медленно, путались. Но в этот самый момент, пробивая шок, глубоко в его голове впервые проснулся чужой, хриплый и дико злой Голос...

«Надо же, какой вежливый труп... Столько лет ужимался, терпел, улыбался. И ради чего? Чтобы сдохнуть в луже? Не смей закрывать глаза, слышишь? Ты слишком долго спал, Камранчик.

Но тело больше не слушалось. Камрана накрыло стран-

ное, ни на что не похожее ощущение: боль в боку резко исчезла, сменившись могильным, ледяным холодом, который стремительно поднимался от ног к груди. Звуки падающей воды стали глухими, будто он провалился глубоко под воду. Картинка перед глазами дернулась, неоновые вывески смазались в одну грязную полосу, и мир вокруг Камрана окончательно погас

Глава 2

Белый потолок больничной палаты встретил меня запахом хлорки, спирта и глухой, пульсирующей болью в левом боку. Каждое дыхание отзывалось внутри так, словно туда загнали раскаленный штырь.

— Очнулся? Лежи не дергайся, — раздался над ухом уставший голос дежурного хирурга. — Рубашку твою пришлось разрезать, вся в крови была. Повезло тебе, парень. Сантиметр влево — и задели бы селезенку. А так — зашили, жить будешь. Сейчас повязку сменим.

Я попытался инстинктивно повернуться, чтобы облегчить дыхание, и в ту же секунду правую ногу снизу доверху прошило такой дикой, судорожной вспышкой, что из глаз брызнули слезы. Одеяло приподнялось, и я увидел своё правое бедро. Начиная от колена и почти до паха кожа превратилась в сплошное, иссиня-черное месиво. Мышца отекала, раздулась и затвердела, став похожей на кусок перетянутого бревна. Любое, даже мизерное движение пальцами ноги отзывалось глухим, тошнотворным спазмом где-то в тазу. Ходить этой ногой сейчас казалось чем-то из области фантастики.

Стоило мне стиснуть зубы, как в черепной коробке снова раздался тот самый хриплый, циничный смешок. Голос, который я принял за предсмертный бред в переулке, никуда не исчез.

— Ну что, больно? — вкрадчиво спросил он. — Терпи. Ты же у нас профессионал по части «терпеть». Столько лет ужимался. Сейчас-то чего разнылся?

Я мысленно заблокировал эту мысль. Зажмурился, вцепился пальцами в края железной койки и приказал себе верить, что это просто последствия шока и потери крови. Обычный бред. Настоящий я — здесь, а это — просто шум в голове. Я не собирался с этим разговаривать.

«Заткнись. Тебя нет. Кто ты вообще такой?» — жестко отрезал я про себя, пытаясь вытеснить чужеродный хрип из сознания.

Но Голос не стал спорить или что-то доказывать. Он ответил ледяным, равнодушным тоном, который мгновенно отрезвил меня сильнее любой боли:

— А ты сам-то кто?

После ответа Голоса по телу пробежали мурашки. Звук мгновенно утих, словно растворился в темноте, оставив после себя лишь звенящую тишину. Никаких дискуссий. Он просто перевернул мой собственный вопрос и швырнул его мне в лицо, заставив захлебнуться этой тишиной. Ответить мне было нечего.

Врач закончил перевязку, закрепил пластырь, на ходу бросил пару дежурных фраз и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. В палате воцарилась тяжелая, больничная тишина.

Я остался один. Глухая злость на самого себя жгла изнутри сильнее, чем разодранная рана. Но сознание уже судорож-

но цеплялось за логику: это шок. Просто сильный болевой шок и потеря крови, отсюда и галлюцинации. Мне всё слышалось. Мозг просто сыграл со мной злую шутку на пороге смерти.

Я лежал неподвижно, всматриваясь в серые стены палаты, и мысленно позвал его снова. Попытался дёрнуться, спровоцировать резкую боль, чтобы услышать хотя бы ещё один хриплый смешок.

«Эй. Ну где ты там?» — позвал я в пустоту.

В ответ — ничего. Обычный больничный шум за окном. Внутри стало стерильно и пусто. И в этот момент, среди абсолютной тишины, мне вдруг стало по-настоящему грустно. Будто из этой пустоты ушло что-то пугающее, но до боли честное.

За окном палаты медленно занимался рассвет, окрашивая серые стены в бледно-желтый цвет. Я рассматривал свою ладонь и понимал главное: слышался мне этот Голос или нет, я больше не могу и дальше себе врать. Пришло время брать контроль над собственной жизнью.

Глава 3

Кабинетный запах дешёвого парфюма и казённой кожаной папки въелся в палату быстрее, чем выветрился запах хлорки. Мужчина в гражданском костюме, сидевший на стуле возле моей койки, не выглядел сочувствующим. Капитан полиции, уполномоченный из районного отдела. В руке он лениво крутил дешёвую шариковую ручку, а перед ним на тумбочке лежала раскрытая папка с бланками объяснительных.

— Ну что, Камран, пришёл в себя? — в его голосе сквозила откровенная скука, перемешанная с дежурным, профессиональным давлением. — Хирург из тебя три часа нож вытаскивал. Оставили прямо в боку, ещё бы немного — и селезёнка в хлам. Так что сказки про «шёл, упал, очнулся — гипс» отпадают сразу. Пиши заявление, открываем уголовное дело. Напали прямо на парковке твоего кафе, место заметное, но из-за этого проклятого ливня на камерах вообще ни черта не видно — сплошная серая стена и водяные блики. Так что вспоминай сам, кто это был, с кем конфликтовал. Тебе это самому нужно, понимаешь?

Он давил технично, привычно, подталкивая меня сделать то, что делает любой нормальный человек в моей ситуации — потребовать возмездия. Начать следствие, бегать по опознаниям, утонуть в роли пострадавшего, которого пожалели.

— Ничего не помню, командир, — ответил я. Голос после операции всё ещё был сиплым, но звучал твёрдо. — Тёмно было, удар по ноге, потом сразу в бок. Лиц не видел. Заявление писать не буду. Претензий ни к кому не имею, искать никого не надо.

Капитан перестал крутить ручку. Он медленно наклонился вперёд, опершись локтями о колени, и посмотрел на меня снизу вверх — тяжело, с прищуром.

— Не помнишь, значит? Камран, ты мне тут детский сад не устраивай. Нож в боку — это тебе не карманная кража. Да и с бедром твоим эксперты пишут: удар нанесён твердым тупым предметом с огромной силой. Это чистая статья. Тяжкие телесные. Мы всё равно обязаны провести проверку. Ты кого-то покрываешь? Или сам где-то замазался, что сдавать их не хочешь? Пойми, они ведь вернутся закончить дело, если ты сейчас язык за зубами держать будешь. Нам этот висяк на участке нафиг не нужен, но и труп мне потом оформлять неохота.

Он выдержал паузу, ожидая, что я дрогну, начну оправдываться или сорвусь. Но я молчал, глядя прямо перед собой. Перед глазами на миг вспыхнули те самые лица из переулка и силуэт бейсбольной биты, со свистом опускающейся на мою ногу. Я прекрасно знал, кто это сделал, и отлично помнил это оружие. Но глубоко внутри я также понимал: написать сейчас заявление — это всё равно что сдаться. Расписаться в собственной беспомощности. Да и глупо думать,

что полиция сможет мне здесь помочь. Если бы они могли или хотя бы хотели разобраться с этими людьми, те бы уже давно сидели на пожизненном. Человеческая жизнь для таких измеряется в тенге. И в итоге меня же и выставят виноватым, просто чтобы закрыть показатели и красиво подшить дело. Становиться разменной монетой я не собирался.

— Давай по-хорошему, — капитан применил другой тон, более мягкий, доверительный, как старший товарищ. — Пишешь заявление «прошу принять меры к неизвестным лицам». Мы сами соберём материал. С камер силуэты вытащим, по базе пробьём. Тебе даже делать ничего не придётся, просто подпиши бланк. Справедливости не хочешь, что ли? Тебя чуть на тот свет не отправили, а ты сидишь тут, партизана из себя строишь.

Его слова звенели в ушах, но вызывали лишь глухое раздражение. Справедливость в их понимании была фальшивкой, которая обернётся против меня.

— Я всё сказал, капитан, — я с трудом сглотнул сухую слюну, чувствуя, как от напряжения начинает ныть свежий шов. — Лиц не видел. Никого не знаю. Покрывать мне некого. Писать ничего не буду. Зафиксируйте отказ.

Полицейский ещё пару секунд пристально вглядывался в моё лицо, пытаясь найти там след испуга или криминальных тайн. Не нашёл ничего, кроме глухого, непробиваемого упрямства.

— Ну, смотри, дело твоё, — капитан с сухим, резким сту-

ком захлопнул папку и поднялся со стула, не скрывая разочарования. — На «нет» и суда нет, нам же меньше работы. Но учти, парень: второй раз так может не повезти. Распишись вот здесь, что от претензий отказываешься и ознакомлен.

Я черкнул размашистую подпись на протянутом бланке. Капитан шлепнул папку в сумку и вышел, даже не попрощавшись.

Когда шаги в коридоре затихли, я решился на то, от чего меня весь день отговаривала дежурная медсестра. Я попытался встать. Швы в боку тут же натянулись, но настоящая катастрофа ждала ниже. Стоило мне спустить ноги и попытаться перенести вес на правую сторону, как раздувшееся бедро прошила глухая, парализующая судорога. Нервные окончания словно отключили: нога просто подогнулась, как тряпичная. Если бы я не вцепился намертво в железную спинку койки, то рухнул бы прямо на больничный линолеум. Кое-как, сдерживая тошноту и утирая холодный пот со лба, я затащил беспомощную конечность обратно на кровать. Стало ясно: упрямитесь перед ментами — это одно, а вот ходить мне теперь придется очень не скоро.

Через три дня меня выписали.

Город встретил меня душным, тяжёлым шумом улиц. Машины, прохожие, вечная суета — всё это казалось слишком громким, раздражающим и каким-то чужим. Подмышки горели от непривычной опоры на костыли, а правая нога висела тяжелым, бесполезным бревном, отзываясь на каждую

кочку асфальта. Кое-как поймав такси, я доехал до своей съёмной квартиры.

Когда за мной закрылась входная дверь, навалилась звенящая, абсолютная тишина. Квартира встретила меня ровно в том же виде, в каком я её оставил: чашка с недопитым чаем на столе, брошенная на стуле куртка. Только теперь здесь пахло застоявшимся воздухом и одиночеством.

Я подошёл к столу, сильно припадая на заплывшую правую ногу и преодолевая тупую боль в швах, и открыл ноутбук. Экран вспыхнул белым светом, отразившись в моих глазах. Рука на секунду замерла над клавиатурой...

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.